

© 2000 г., ЭО, № 6

В.И. Козлов

ЭТНОДЕМОГРАФИЯ КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Доклад В.А. Тишкова «Антропология Российских трансформаций», прочитанный им на открытии III Конгресса этнографов и антропологов России (Москва, июнь 1999 г.) и завершённый словами: «В России стало жить лучше, хотя и сложнее», был опубликован с сокращениями в «Независимой газете» (от 12 января 2000 г.) под заголовком «Мы стали жить лучше», а затем в журнале «Этнографическое обозрение» (№ 1, 2000 г.) явно в целях его научного обсуждения, в котором я и намерен участвовать. Названный доклад состоит из восьми разделов, но по тематике его можно разделить на три части: методологическое «Введение», разделы демографической тематики и разделы политологической тематики. Моя основная задача – рассмотрение демографической проблематики, которая привлекает мое внимание уже несколько десятилетий; иных вопросов мне придется коснуться лишь отчасти, но надеюсь, что они привлекут внимание других участников дискуссии.

Начну с того, что за последние 10 лет, к которым относит свои высказывания В.А. Тишков, в России (Российской Федерации) действительно произошли значительные изменения, преобразования, или «трансформации». Эти изменения можно рассматривать с различных точек зрения: сочинять, например, на тему «История российских трансформаций», или «Психология российских трансформаций» и даже «Анатомия» или «Физиология» таких трансформаций, оговаривая, разумеется, особенности своего подхода. Тишков пишет об «Антропологии» трансформаций, указав в первом абзаце своего доклада-статьи, что он имеет в виду «социально-культурную антропологию, которая изучает человека во всем многообразии создаваемых им социальных коалиций на основе этнографического метода, или метода включенного наблюдения» (с.3)¹.

Нетрудно заметить, что методологическое «Введение» начинается с понятийно-терминологических вольностей или небрежностей. Дело в том, что в России «социальнокультурной антропологии» как особой научной дисциплины не существует. Нет такой дисциплины и за рубежом. Правда, в Британии имеется социальная антропология, а в США – культурная антропология; и та, и другая противопоставляют себя «физической антропологии», но синтеза их не наблюдается². Изучением многообразия «социальных коалиций» там (как и в России) занимается главным образом социология. В России, где еще в XIX в. укоренился термин «этнография», «антропологию» принято понимать как физическую антропологию – биологическую науку, изучающую происхождение людей и вариации их расовых характеристик. Поэтому всюду, где В.А. Тишков употребляет термин «антропология» без дополнительных пояснений, понять смысл его рассуждений довольно трудно. Что касается метода «включенного наблюдения», то он не столько этнографичен, сколько «журналистичен»; этнографы в своих исследованиях пользуются и многими другими методами (опрос, интервью, анкетирование и т.д.).

Почему В.А. Тишков, будучи руководителем Института этнологии и антропологии, предлагает анализировать «российские трансформации» путем трансформации понятия «антропология», судить не берусь. Возможно, это обусловлено его стремлением подчеркнуть ведущую роль в российских трансформациях фактора личных мотивов.

Он заявляет: «Только хорошо обученный (?! – В.К.) антрополог может объяснить, что частная стратегия людей всегда была и будет выше любой "национальной идеи", что желающих управлять всегда больше, и поэтому "рваться к власти" – это естественно... Человек как существо социальное рождается в этом мире, чтобы исполнить свое первичное предназначение – обеспечить благоприятные условия *собственного существования*...» (курсив мой. – В.К.) (с.3). Понятно, что призывать к изучению роли личности в истории легче через антропологию («человековедение»), чем этнологию («народоведение»), объектом которой являются **общности** людей. Но даже физические антропологи вряд ли безоговорочно поддержат приведенное выше заявление Тишкова. В антропологии бытует концепция, что человек современного вида – «гомо сапиенс» победил своего более мощного соперника вида «гомо неандерталис» именно благодаря менее развитому эгоизму и большему социальному единению.

В политологической части своего доклада-статьи («О государстве и проблеме лояльности», «Антропология власти, или феномен "племени на холме"», «Поведенческие нормы и духовная жизнь») В.А. Тишков снова довольно голословно говорит о роли личностных мотивов: «Постулат, когда-то высказанный акад. Абалкиным, пребывавшим в поиске национальной идеи, что служение стране и нации должно быть выше личностного интереса, является, строго говоря, ненаучным. Ни один человек, включая академиков, ни одного дня в своей жизни по этому принципу не прожил и жить не должен, за исключением особо распропагандированных энтузиастов» (с.14). Он пишет, что при распаде СССР «...личностный момент и борьба центральных и периферийных элит за власть и ресурсы имели, на наш взгляд, решающее значение» (с.13). Впрочем, по Тишкову, немало важных государственных решений принимается не столько в эгоистических целях, сколько просто «по пьянке». «Фактически решения по Чечне, как политические на высшем уровне, так и военно-полевые, – заявляет он, – принимались в стране людьми, находившимися в состоянии алкогольной интоксикации» (с.17). Сказано необоснованно, да и неосторожно: ведь, применительно ко второй чеченской войне эти слова очевидно относятся к министру обороны И. Сергееву, министру внутренних дел В. Рушайло да и к самому В. Путину... Вероятно, следовало бы поспешить с объяснениями.

Обращают на себя внимание имеющиеся в политологических разделах порицания в адрес «академических ученых» и «обществоведов». В.А. Тишков отмечает «одержимость пропагандой "многонациональности" (России. – В.К.) при третировании общероссийской культурно-языковой и ценностно ориентированной общности», заявляет, что «от ученых, а не от политиков идут первичные предписания считать «родным языком» не материнский язык, язык дома и общения, а тот, который совпадает с паспортной записью о национальности» (с.14) и т.п. К этой напраслине добавляется, что «западное академическое сообщество (которого не существует. – В.К.) с энтузиазмом разделяет саморазрушительные язык и методологию российского обществознания» (с.14). Зачем Тишков сочиняет какой-то всемирный академическо-обществоведческий заговор против России, мне ясно. К такой аргументации он уже не раз прибегал, чтобы утвердить понятие «российская нация», позволяющее, по его мнению, разом решить все национальные проблемы в России³. Почему при этом он отказывается от понятия общегосударственной «национальной идеи», мне не ясно.

Государственное устройство России и особенно система государственной власти далеки от совершенства, поэтому связанные с ними вопросы широко обсуждаются в прессе; существует даже ежемесячный журнал «Власть». Приняв участие в этом обсуждении, я отметил, что без помощи ученых решить все проблемы власти вряд ли удастся⁴. В.А. Тишков, поругав «обществоведов», заявил, что «задача антрополога – понять и объяснить власть, в том числе и для самих властвующих» (с.15), но какого «антрополога» он имел в виду, сказано не было. Его доклад-статья сделал для решения такой грандиозной задачи очень мало.

Демографическим сюжетам в докладе В.А. Тишкова посвящены разделы «Демография как политика», «Этнический процесс и этническая процессуальность» и в значительной степени раздел «Пища, одежда, жилище», который характеризует жизнеобеспечение населения и полезен для анализа динамики его смертности. Приступая к их анализу, напомним, что демография – это наука, занимающаяся главным образом изучением закономерностей естественного движения населения, динамики показателей рождаемости, смертности, брачности и др. Поэтому в выражении «демография как политика» столь же мало смысла, как и в словах «этнография как политика». Термин «процессуальность» обычно прилагается к правилам судебного или административно-правового процесса; в данном случае он только затемняет содержание раздела, посвященного этнодемографической ситуации.

Содержание же двух названных разделов статьи В.А. Тишкова сводится к тому, что распространенное мнение о демографическом кризисе в Российской Федерации, выразившемся в вымирании русских и некоторых других этносов, не имеет достаточных оснований. Демография, по мнению Тишкова, «зависит от бюрократической и статистической процедуры» (? – В.К.), но если отказаться от «воспаленной риторики» и «анализировать демографические процессы последнего десятилетия более спокойно», то ничего негативного в них якобы нет. В России, пишет он, «фактически наблюдается ситуация нулевого роста», общая численность населения в 147 млн. чел. фактически стабилизировалась, и «даже самые малые группы, в том числе и северные народы, за последние годы сохранили или даже увеличили свою численность». Кроме того, по его оценке, в стране имеются неучтенные статистикой 3–5 млн. бывших советских граждан из других государств (Азербайджана, Армении, Грузии, Таджикистана, Украины, Молдовы). «Подавляющее большинство их – это молодые мужчины, которые трудятся в сфере обслуживания, строительства, торговли и приносят огромную пользу стране. Без них не были бы осуществлены многие стройки и не было бы фруктов на рынках и в магазинах российских городов» (с.6). Неожиданно, противореча сам себе, Тишков признает, что в «последние 6 лет» в стране наблюдалась «естественная убыль населения (здесь сказались кризис, нестабильность и воздействие неблагоприятного демографического цикла)», но она «почти наполовину была компенсирована миграционным приростом населения, качество которого (возраст, образование, профессиональный состав) *несколько выше качества основного населения страны*» (с.6) (курсив мой. – В.К.).

Каким образом можно в соседних абзацах одной и той же страницы говорить о стабильной численности населения страны и о его естественной убыли – это тайна умственных комбинаций В.А. Тишкова. Показательно, однако, что о размерах этой убыли он не говорит, сущность каких-то вскользь упомянутых «кризиса» и таинственного «демографического цикла» не поясняет (влияние потерь в годы войны 1941–1945 гг. уже давно сгладилось), а сразу переходит к другим демографическим характеристикам. Устойчивое соотношение между городским и сельским населением (73 и 27%) ему не нравится, так как «модернизация – это прежде всего урбанизация». Стабильная диспропорция мужчин и женщин (47 и 53%) также представляется ему негативным явлением. «Причина диспропорции, – пишет он, – не столько в особенностях биологического воспроизводства населения (!? – В.К.), сколько в более высокой смертности среди мужчин по социальным причинам (алкоголизм, курение, травматизм, убийства)» (с.6). Зато отток населения из северных регионов, по мнению Тишкова, «носит благотворный характер: россияне переезжают в местности с более благоприятным климатом, где могут легче (дешевле) и дольше прожить, снижается нагрузка на хрупкую природную среду и сохраняются важные ресурсы для будущих поколений...» (с.7).

Обращаясь к этнодемографической тематике, В.А. Тишков пишет: «К чести нашей страны, ни в прошлые десятилетия, ни в годы трансформаций не произошло того, что называют «вымиранием» народов... После 1989 г. большинство крупных российских

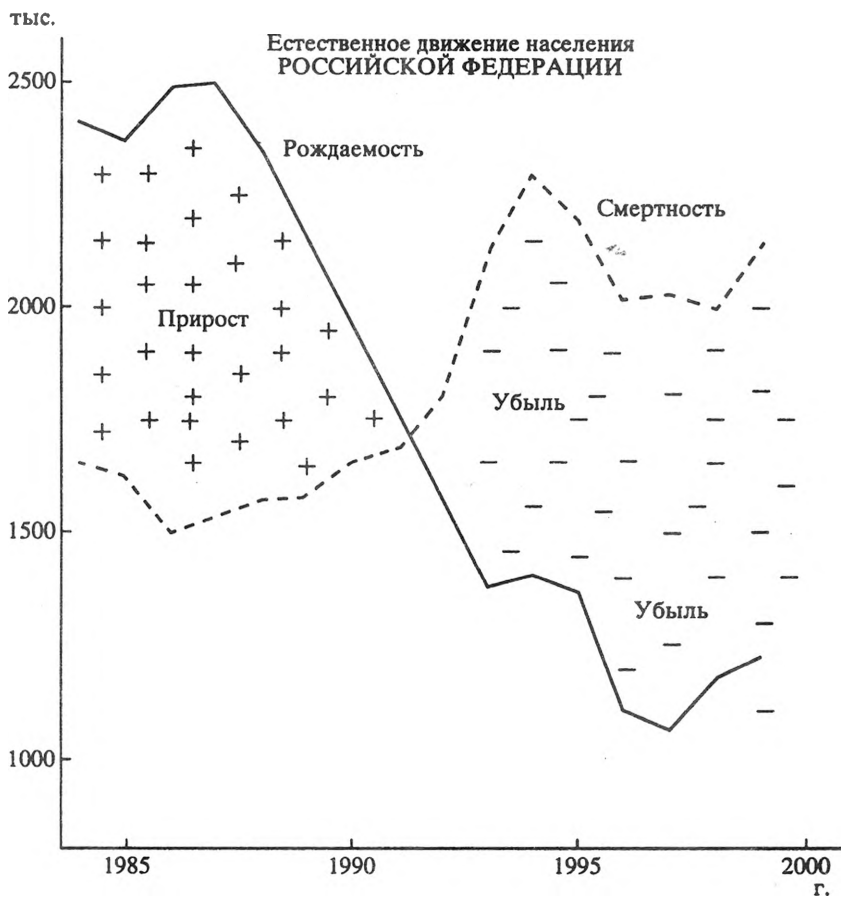
народов, в том числе русские, башкиры, татары, чуваша... имели нулевой или незначительный рост численности... Хорошо или плохо, что демография периода трансформаций отмечена более быстрым ростом численности северокавказцев, а значит, сокращением доли русских (кстати, татар и чувашей также) в общем населении страны? К сожалению, это вопрос скорее спекуляций и профессионально его никто не осмелится обсуждать. *Какова доля русских в стране – не вопрос жизненной стратегии государства»* (с.8) (курсив мой. – В.К.).

Должен сказать, что большинство из приведенных выше основных около-демографических высказываний В.А. Тишкова не столько приглашают к дискуссии, сколько вызывают к опровержению как ошибочные. Подразделить его ошибки на существенные и малозначимые довольно трудно, как и трудно установить, какие из них вызваны незнанием предмета, а какие – намеренным искажением реалий. Так, ссылка Тишкова на «особенности биологического воспроизводства» для частичного объяснения превышения числа женщин над числом мужчин обусловлена, конечно, незнанием хорошо известного всем демографам факта, что по биологическим причинам повсюду в мире девочек рождается **меньше**, чем мальчиков (в соотношении 100 на 105–106). А вот слова о том, что «азербайджанцы обеспечивают хороший рынок основных фруктов и фруктовых соков», вызваны, вероятно, недомыслием. Тишков говорит о снабжении апельсинами, но известно, что сами азербайджанцы выращиванием апельсинов и производством из них сока не славятся: апельсины везут к нам главным образом из Марокко и других стран Южного Средиземноморья. Да и на продуктово-фруктовых базах азербайджанцев, насколько мне известно, немного; основная масса их крутится на рынках, занимаясь перекупкой и розничной торговлей. Каким образом этим в большинстве своем малообразованным и плохо знающим русский язык людям удалось утвердиться в сфере торгово-посреднической деятельности, вытеснив из нее русских, – вопрос непростой и изображать это явление как благотворное не приходится.

Главный же недостаток статьи В.А. Тишкова – это искажение демографической (и этнодемографической) ситуации в Российской Федерации, что требует более основательного критического анализа. Недавно с таким анализом статьи Тишкова в «Независимой газете» выступили экономисты В. Иванов и А. Суворов⁵, но осталось еще немало проблем для обсуждения.

Демографическая ситуация в стране характеризуется прежде всего величиной и соотношением рождаемости и смертности, разностью которых определяется естественный прирост (или убыль) населения. Большое значение имеет и скорость происходящих процессов, так как за быстрыми изменениями демографических параметров обычно стоят какие-то кризисные явления. Это особенно важно учитывать при сравнении России с крупными промышленно развитыми странами Европы (ФРГ, Франция и др.), где процесс снижения рождаемости после ее подъема в послевоенное десятилетие протекал с конца 1960-х до 1990-х годов сравнительно небольшими темпами. Возникшие в некоторых из этих стран явления вялотекущей депопуляции не носят кризисного характера.

То, что случилось с рождаемостью в Российской Федерации, точнее всего обозначить термином «обвал», что хорошо видно на составленном мною графике. Несколько повысившись с конца 1960-х годов, когда в стране ежегодно рождалось менее 2 млн. чел., и достигнув в 1985 г. 2,5 млн., рождаемость буквально «покатилась» вниз, снизившись к 1993 г. в 1,8 раза, а к 1997 г. в 2,4 раза – почти до 1 млн., после чего (вероятно, временно) поднялась до 1,2 млн. Сокращение рождаемости было вызвано разочарованием населения в горбачевской «перестройке», развернувшимся социально-экономическим кризисом и обнищанием большинства населения, возросшими расходами на детей (в том числе в сфере образования) и сравнительно малой их обратной отдачей за потраченные родителями силы и средства; распространились случаи, когда даже взрослые дети живут на скудные родительские пенсии. Существенно снизился показатель брачности, а у молодых супругов утверждается установка на однодетную семью.

Официальная статистика не публикует собираемых загсами сведений о показателях рождаемости у отдельных национальностей Российской Федерации. Однако, судя по частным демографическим обследованиям, эти показатели существенно различались. Об этом свидетельствовали и появившиеся еще до «перестройки» публикации. Отмечалось, что репродуктивные установки супругов при всех их индивидуальных характеристиках подвержены значительному влиянию социальной среды, в том числе религиозных общин: у католиков рождаемость повсеместно выше, чем у протестантов и православных, у христиан в целом существенно ниже, чем у мусульман⁶. Был замечен процесс перехода брачных пар у русских и близких к ним по культуре народов на малодетность, в результате которой не обеспечивается даже простое воспроизводство населения. Но вызванная этим обеспокоенность «гасилась» распространением концепции «демографической революции», согласно которой женщина благодаря малодетности добивается социального равноправия с мужчиной. У нас эту концепцию особенно рьяно пропагандировал А.Г. Вишневский⁷.

Материалы последней переписи населения СССР, проведенной в 1989 г., показали как увеличение общей численности населения страны, так и численности ее крупнейшего этноса – русских. Однако в последовавших вслед за этой переписью публикациях обнаружилось, что среди русских, составлявших 81,3% всех жителей Российской Федерации, было зарегистрировано 1,6 млн. родившихся детей (74% от их общей численности) по сравнению с 1,7 млн. в 1979 г. (78% от их общей численности). А главное: естественный прирост населения на 1989 г. у русских – 289,7 тыс. чел. –

оказался почти равным естественному приросту у всех остальных национальностей – 287,1 тыс. чел. (в 1979 г. было соответственно 465,8 и 222,7 тыс. чел.)⁸. В большинстве преимущественно русских краев и областей общая численность населения в 1980-е годы неуклонно сокращалась, в то время как в большинстве республик она продолжала возрастать. Так, в Центрально-Черноземном р-не общая численность населения в 1979–1989 гг. снизилась с 7,8 до 7,7 млн. чел., а в республиках Северного Кавказа с преобладающим там мусульманским населением повысилась с 4,8 до 5,4 млн., несмотря на отток оттуда населения в русские края и области. Подобные различия прослеживались и в 1990-е годы. Так, в 1990–1993 гг. в Курской и Тамбовской областях родилось 108 тыс. детей, а в примерно равным им по суммарной численности Дагестане и Кабардино-Балкарии – около 239 тыс.⁹

В прошлом в условиях неконтролируемой, а потому повсеместно высокой рождаемости режим воспроизводства населения определялся колебаниями уровня смертности, который в экстремальных ситуациях кровопролитных войн, голода и эпидемий мог угрожать существованию даже крупных популяций. Во второй половине XX в., когда уровень смертности благодаря борьбе с эпидемическими болезнями и отчасти прекращению массовых голодовок и опустошительных войн почти повсеместно снизился, ведущая роль в установлении режима воспроизводства закрепилась за рождаемостью. Это только по недомыслию можно утешаться тем, что брачные пары, имея возможность жить бездетно и беззаботно, в подавляющем большинстве случаев заводят одного или двух детей.

Демографам известно, что в современной России более 20% женщин детородного возраста не состоят в браке, а около 20% брачных пар вследствие тех или иных нарушений детородных функций не могут иметь детей. На матерей-одиночек надежда плоха, поэтому для поддержания стабильной численности населения необходимо иметь на каждую брачную пару 2-3 ребенка (на 100 брачных пар около 250 детей). Однако в России во второй половине 1990-х годов сложилась ситуация, когда коэффициент суммарной рождаемости вплотную приблизился к 1,0, т.е. на каждую женщину, прошедшую детородный возраст, приходится всего один ребенок (мальчик или девочка). А это означает, что с убылью старшего поколения численность населения сократится по меньшей мере в 2 раза. Остается внести в этот прогноз поправки на происходящий процесс увеличения смертности.

Смертность в Российской Федерации, составлявшая в начале 1960-х годов около 0,9 млн. умерших в год, поднялась к началу 1980-х годов до 1,5 млн., а к началу 1990-х годов, когда наступил ее взлет, – до 1,6 млн., постепенно приближаясь к снижавшейся рождаемости. Между этими двумя относительно независимыми процессами существовала связь, отразившаяся прежде всего в динамике их показателей (на 1000 населения), так как сокращение числа детей приводит к увеличению в населении доли людей пожилого и старческого возраста, наиболее подверженных естественному вымиранию. Так, в Тамбовской обл. на 1991 г. показатель смертности составлял 14,9 ‰, в Дагестане – 6,2‰. Резкий подъем смертности наступил несколькими годами позже начала обвала рождаемости, главным образом с 1992 г. (см. график), когда правительство Е. Гайдара с благословения президента Б. Ельцина прибегло к политике «шоковой терапии».

Этот взлет смертности объяснялся резким снижением уровня материального жизнеобеспечения – у большинства россиян ниже официальной черты бедности, что отягощалось длительной задержкой заработной платы и пенсий при повсеместном росте безработицы. Немаловажное значение имел развал прежней мало-мальски эффективной системы здравоохранения и бесплатного медицинского обслуживания. Наблюдался рост бытового и производственного травматизма, алкогольных и других токсикаций, убийств и самоубийств. Особенно показательны в этом отношении распространившиеся случаи самоубийства пожилых супружеских пар, а также офицеров, не могущих содержать свои семьи.

Как показывает наш график естественного движения населения Российской Феде-

рации, линии падающей рождаемости и растущей смертности пересеклись в первой половине 1991 г., что и можно считать официальным началом вымирания российского населения. Впрочем, дата эта – очень условная, так как в большинстве преимущественно русских областей Северо-Западного, Центрального и Центрально-Черноземного экономических районов число гробов, образно говоря, превысило число колыбелей еще до 1990 г., а в большинстве Северокавказских республик, а также в республиках Алтай, Тыва и Саха (Якутия) естественный прирост сохранился почти до конца 1990-х годов. Поэтому официальная общая «естественная» убыль населения России, достигшая в 1994 г. почти 900 тыс. чел., а в 1997 г. – 950 тыс., складывалась из реальной убыли преимущественно русского населения, превышавшей почти ежегодно 1000-1100 тыс. чел., и естественного прироста народов, сохранявших традиции много- и среднодетности, в 150-200 тыс. чел. Всего за 1990-е годы «естественная» убыль русских составила не менее 7 млн. чел., и это – не плод «воспаленного воображения», а результат простых арифметических действий с цифрами официальной статистики населения.

Динамика численности населения страны определяется, как известно, не только его естественным движением, но и механическим движением или миграциями. К сожалению, статистика внешних миграций в 1990-е годы страдает в России неполнотой вследствие сравнительно свободных («безвизовых») передвижений населения между РФ и странами СНГ, нечеткости понятия «российское гражданство» и других причин. Но и по официальным данным получается, что положительное миграционное сальдо, установившееся у Российской Федерации еще в 1980-е годы, в 1990-е увеличилось и стало измеряться миллионами человек. Существенно изменились состав мигрантов и причины миграций. Большинство из приехавших в Российскую Федерацию в 1990-е годы – это русские, проживавшие в бывших союзных республиках, где они подвергались национально-языковому угнетению, а в районах вооруженных конфликтов и прямым нападениям со стороны местных экстремистов.

С 1990 по 1997 г., по официальным данным, в Российскую Федерацию прибыло более 6,5 млн. чел., выбыло около 3 млн. Миграционное сальдо со странами СНГ и Балтии было положительным и составляло более 3,5 млн. чел., а со странами «дальнего зарубежья» (ФРГ, США, Израиль и др.) – отрицательным и составляло более 800 тыс. Согласно данным о национальной принадлежности мигрантов, в Россию прибыло около 4 млн. русских, а выбыло их более 1,4 млн., что дало сальдо в 2,6 млн. чел.¹⁰ В середине 1990-х годов миграционное сальдо покрывало более 50% естественной убыли, но к концу 1990-х годов, снизилось до менее 20%. Новоприбывшие включались в процесс естественного воспроизводства, однако большинство вынужденных переселенцев попадали в столь тяжелые условия жизни, что показатель их рождаемости, вероятно, был ниже, а смертности – выше, чем у местных россиян. О других «качествах» русских переселенцев судить не берусь, для этого придется ждать материалов новой переписи населения, намеченной на начало 2002 г. Что же касается эмигрантов в страны «дальнего зарубежья», то значительную часть их составляли специалисты высокой квалификации, в том числе научные работники. Постыдная для России «утечка мозгов» сочталась и с другими демографическими потерями, например с выездом за рубеж многих тысяч симпатичных русских девушек, которые вербовались для «шоу-бизнеса», но превращались в проституток.

Сказанного, надеюсь, достаточно для того, чтобы убедить дилетантов в реальности демографического кризиса в России, яркое проявление которого – наметившийся процесс вымирания русских людей. Станет ли этот кризис началом демографической катастрофы, зависит от его дальнейшего развития, но имеющиеся по этому вопросу прогнозы широко варьируют даже среди специалистов. В «Демографическом ежегоднике России. 1997» дано, например, четыре прогноза развития демографических событий до 2010 г. В наиболее благоприятном из них предполагается уже в ближайшие годы повышение рождаемости, стабилизация и некоторое снижение смертности, а также увеличение притока мигрантов из стран СНГ и Балтии. По

самому неблагоприятному прогнозу предусматриваются сохранение тенденции к снижению рождаемости со стабилизацией ее на очень низком уровне, стабилизация смертности на среднем уровне и уменьшение миграционного прироста. Общая численность населения страны на 2010 г. оценивается при самом благоприятном варианте в 143,7 млн. чел. (что ниже нынешней), при неблагоприятном – в 134,7 млн. Данные двух других прогнозов располагаются между этими величинами¹¹.

Неблагоприятным является и прогноз, о котором сообщил президент В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию России: об уменьшении числа россиян за 15 лет (т.е. к 2015 г.) на 22 млн. чел., т.е. до 125 млн. чел.

Приведенные официальные варианты прогнозов демографических процессов представляются мне плодом статистических компьютерных игр, не вполне опирающихся на экономические прогнозы, причем даже наиболее неблагоприятный из них не предусматривает увеличения смертности. А это весьма вероятно, так как вследствие очень низкой рождаемости в возрастном составе населения быстро увеличивается число людей пожилого и старческого возраста, подверженных естественному вымиранию. Следует учесть также, что по наблюдениям медиков, дети-первенцы имеют меньшую жизнестойкость, чем последующие отпрыски, поэтому массовый переход на однодетную семью неминуемо влечет за собой некоторое ухудшение генофонда этноса, т.е. вырождение. Впрочем, ухудшение генофонда и повышение смертности вызываются также радиацией, выбросами ядовитых веществ, распространение которых в ближайшие десятилетия, вероятно, увеличится.

Снижение ныне высокой смертности непосредственно связано с экономическим благосостоянием страны, которое, возможно, в ближайшее десятилетие, охватываемое рамками приведенных прогнозов, немного улучшится, но будет еще далеко от требуемого. Восстановить народное хозяйство, в котором промышленное и сельскохозяйственное производство уменьшилось за годы правления Б.Н. Ельцина вдвое, а бюджет снизился до 20 млрд. долл., сравнившись с бюджетом Финляндии, очень трудно при любом режиме политической власти. Для этого понадобится, по скромным оценкам, несколько десятков лет спокойной жизни; в ближайшее же десятилетие существенных успехов ожидать не приходится. Любому правителю России придется думать не столько о возрождении и улучшении системы бесплатного здравоохранения, о борьбе, например, с распространившимися в последние годы туберкулезом и СПИДом, сколько об уплате внешних и внутренних долгов за безалаберно потраченные займы. Поэтому прогнозируемая Госкомстатом России по неблагоприятному варианту общая сумма смертей за 1997–2010 гг. в 31,8 млн. (около 2,3 млн. умерших ежегодно) составит, вероятнее всего, 35 млн., т.е. в среднем ежегодно 2,5 млн. умерших. Таковой она останется, видимо, и в следующие несколько десятилетий.

Наибольшее беспокойство вызывает, однако, будущая динамика рождаемости. По официальному неблагоприятному варианту прогноза (по моим суждениям, он наиболее близок к реальности), общая сумма рождений за 14 лет, т.е. с 1997 по 2010 г., составит 17,6 млн. чел. (в среднем ежегодно 1,25 млн. рождений). Полагаю, что в реальности она может оказаться меньше, особенно с 2007 г., когда в детопроизводство вступят наиболее плодотворные когорты женщин (20–25 лет), родившиеся в годы обвального снижения рождаемости. Было бы глупо ожидать, что уменьшение численности этой когорты вдвое будет компенсировано спонтанным массовым переходом брачных пар от однодетной семьи к двух- и трехдетной, а потому в следующие десятилетия среднегодовое число рождений будет менее 1 млн. Демографы, составлявшие официальные варианты прогнозов, остереглись заглядывать далее 2010 г., вероятно, чтобы не волновать граждан России мрачным будущим страны, но от такой и подобной ей уловок это будущее не станет светло-розовым.

Особую тревогу вызывает развернувшийся процесс массового вымирания русских людей, убыль от которого уже во второй половине 1990-х годов составляла ежегодно более 1 млн. чел., а в начале 2000-х годов реально превысит 1,5 млн. Еще в 1990 г. американский демограф-экономист советского происхождения М. Бернштам опубли-

ковал статью под красноречивым названием «Сколько жить русскому народу»¹², в которой, основываясь на демографических тенденциях 1980-х годов (т.е. до обвала рождаемости и взлета смертности), предсказал существенное сокращение численности русского этноса в XXI в. По его выкладкам получалось, что уже во второй половине указанного столетия русский этнос, подобно римскому народу, может сойти с исторической арены, уступив место главным образом какому-то тюрко-мусульманскому этносу. Соответственно решится и судьба Российской державы. К сожалению, российские горе-политики и даже ученые отнеслись к прогнозу Бернштама довольно безмятежно; опубликованная мной в центральном академическом журнале статья «Вымирание русских: историко-демографический кризис или катастрофа»¹³, в которой были также даны тревожные прогнозы, не вызвала взволнованных откликов. В частных разговорах на эту тему пока преобладает дилетантский оптимизм. «Ну, допустим, что экономическое возрождение России затянется еще на несколько десятилетий, – говорили мне, – а число русских сократится за это время еще на несколько десятков миллионов человек. Россия выдержит эти потери, как она выдержала страшный урон в войне против гитлеровской Германии, а потом – в светлом экономическом будущем – залечит свои демографические раны...».

Горе-оптимизм, основанный на русском «авось», принес уже немало бед, и с ним надлежит всячески бороться. Следует прежде всего заявить, что отождествление военных потерь с «естественной» убылью некорректно: в первом случае речь идет о механическом, так сказать, повреждении национально-государственного организма внешними силами, как это бывает при стихийных бедствиях; во втором – о внутреннем заболевании организма, вроде туберкулеза, который без лечения может перейти в летальную стадию. «Светлое экономическое будущее», которое обычно отождествляется с нынешней экономикой близкой к нам по природным условиям Швеции, даже при благоприятных условиях вряд ли будет достигнуто и через 25 лет, которыми в демографии обычно обозначают длину «поколения». Да и неизвестно, приведут ли такие экономические достижения к возрождению среднетности (три-четыре ребенка в семье); в самой-то Швеции ныне преобладает малодетность и растет угроза депопуляции. А к 2025 г. общая численность населения Российской Федерации сократится примерно до 120–125 млн. чел.; по прогнозам ООН на этот год, Россия уступит по числу жителей Японии и замкнет собой десятку наиболее многолюдных стран мира, уступив США в 2,5 раза.

Что произойдет с численностью русских в России к 2025 г. в свете изложенного выше, представить нетрудно: она будет уменьшаться более быстрыми темпами и сократится примерно до 65–70 млн. чел. При сохранении определившихся демографических тенденций еще через поколение, т.е. к 2050 г., эта численность уменьшится примерно до 35–40 млн. и будет уступать даже численности узбеков, если, разумеется, те не пострадают от экологических бедствий. Для индивидуума 50 лет – довольно большой срок (напомню, что средняя ожидаемая продолжительность жизни у мужчин составляет ныне всего 57 лет), хотя для истории он невелик. Не велик он и для демографической истории, где действуют более консервативные закономерности, чем в экономической истории. Все же не стану заглядывать далее середины наступившего столетия, скажу лишь, что предсказания М. Бернштама достаточно реальны, причем печальные для русского народа сроки приближаются быстрее, чем он ожидал до превращения «перестройки» в «катастрофку».

Заявление В.А. Тишкова о том, что изменение доли русских в России – «не вопрос жизненной стратегии государства» и что «профессионально его никто не осмелится обсуждать», как и его демографические представления, являются, мягко говоря, некорректными. М. Бернштам обсуждал данный вопрос достаточно профессионально, да были и другие авторы, выступившие по этому поводу¹⁴.

Обширное государство под названием «Россия» создавалось силами русского народа, большей частью, как говорится, «русскими штыками». Против чеченских сепаратистов ныне сражаются преимущественно русские «федералы»; правители круп-

нейшей федеративной республики – Татарстана, как известно, отозвали с Кавказа всех мобилизованных на ее территории. Процветающий во всех российских республиках местный национализм «титовых» этносов со все большим трудом сдерживается цементирующим влиянием живущих там групп русского населения, и чем меньше численность этого населения, тем труднее бороться с веяниями сепаратизма. Короче говоря, доля русских в стране действительно становится вопросом жизненной стратегии Российского государства.

К сожалению, необходимость разработки и проведения в жизнь такой стратегии, а по сути специальной демографической политики, направленной на прекращение процесса вымирания русских людей, осознается правителями России очень слабо. Важная (если не важнейшая) причина этого – произошедшие изменения в экономике, ориентированной теперь преимущественно на добычу и продажу за рубежом нефти и газа, а это при внедрении «вахтенного» стиля работы не требует многочисленных рабочих кадров. Существующая в большинстве других отраслей хозяйства массовая безработица, составляющая около 10,5 млн. чел., также не способствует такой демографической политике, умаляет ее смысл. Пожалуй, основными ее защитниками станут силовые министерства, прежде всего военные ведомства, ощущающие негативные последствия сокращения числа призывников. Остановлюсь на этом подробнее.

В результате произошедшего в середине 1990-х годов «обвала» рождаемости ежегодно рождается менее 1000 тыс. русских младенцев, из них около 500 тыс. мальчиков. Когда эта когорта доживет до призывного возраста, ее численность сократится примерно до 450 тыс. Судя по газетным сообщениям, через призывные пункты в воинские части обычно проходит лишь немногим более 10% всех юношей 18 лет, остальные «отсеиваются» вследствие физических и психических дефектов (в последние годы часть из них страдает дистрофией) или освобождаются от призыва по различным льготам (для продолжения образования и пр.); стало распространяться и уклонение от воинской службы по «идейным» мотивам. Таким образом, под ружье будет ежегодно вставать лишь около 50 тыс. русских ребят, а этого вряд ли хватит только на охрану протяженных российских границ; армейские дивизии и дивизии МВД придется создавать главным образом из контрактников, однако опыт их использования в Чечне вызвал тревогу: многие мирные жители не без оснований называли их «наемными убийцами», а боевики в плен не брали. Вообще, первая и вторая чеченские войны показали, что человеческая жизнь в России по-прежнему мало чего стоит. Но они же показали жгучую потребность в людских резервах, поэтому руководство силовых министерств должно быстрее экономистов понять необходимость демографической политики, направленной против массового вымирания русских людей.

Тот факт, что до сих пор «силовики» не проявляли активности в решении демографических проблем, можно отчасти объяснить идеологической слабостью руководства вооруженных сил. Важное значение при этом имела и инертность экономистов и демографов, считающихся ведущими специалистами по проблемам народонаселения. Мне довелось принять участие в заседании «Круглого стола» по демографической ситуации и возможностям ее законодательного улучшения, состоявшегося при Государственной Думе в декабре 1997 г., и могу назвать его итоги удручающими. Оказалось, что немало «специалистов» не заглядывают в будущее далее, чем на 5 лет, а большинство остальных либо гонят от себя мысль о возможности губительного вымирания в следующие десятилетия, как дети не верят в возможность собственной смерти, без всякой, так сказать, аргументации, либо успокаивают себя и других возможностью какого-то чудесного демографического самоисцеления. Но никакого чуда, увы, не предвидится...

Говорят, что неблагоприятные прогнозы редко сбываются, так как пробуждают силы, противодействующие их осуществлению. Собственно, такой задаче «пробуждения» и посвящена главным образом данная статья. В общественно-политическом сознании мысль о демографической катастрофе России еще не проникла; на недавних прошедших выборах в Государственную Думу, а затем президента Российской Феде-

рации ни одна из политических партий и ни один из кандидатов в президенты не уделили этой проблеме внимания. Не удостоивается специального обсуждения она и в Государственной Думе в отличие от вопросов пропаганды новейших противозачаточных средств и полового воспитания школьников, что в принципе ведет скорее к снижению, нежели к повышению рождаемости¹⁵. Единичные высказывания о демографической политике, направленной на увеличение рождаемости, быстро заглушаются заявлениями экономистов о том, что такая политика требует немалых средств, а денег нет. Часть московских демографов (В. Антонов, Б. Хорев и др.) образovali «Лигу борьбы против депопуляции», но шансы на успех у нее невелики.

Принципы необходимой демографической политики достаточно ясны. В ситуации, когда большинство брачных пар нацелено на однодетность, а обществу, оформленному в государство, для самосохранения требуется, чтобы родители имели в среднем по два-три ребенка, появление «недостающих» детей следует стимулировать прежде всего материально, а также духовно. Известно, что в США распространена практика «покупки» детей бездетными супружескими парами, готовыми платить за новорожденного по 20 и более тысяч долларов. Примерно тем же занимаются все государства, стоящие перед угрозой депопуляции, с той разницей, что они растягивают «плату» родителям до совершеннолетия детей, оформляя ее в виде ежемесячных пособий, различных льгот и пр. Демографическая политика в России должна быть демократически одинаковой для всех национальностей, но поскольку в наибольшей опасности вымирания находятся русские, постольку действие этой политики должно быть избирательным. Эта проблема решается преимущественным поощрением третьего ребенка в семье, как это делается, например, в Болгарии, где болгары сильно уступают по детности живущим там туркам и цыганам. На первого ребенка родители (или мать-одиночка) получают по 200 левов в месяц, на второго – 350, на третьего – 500, а на четвертого и последующих – по 200 левов. При достижении детьми совершеннолетия могут быть предусмотрены премии родителям за их «качество» (физическое и умственное развитие).

Конкретизация демографической политики применительно к России, в том числе определение размеров оптимальных выплат на детей (здесь, вероятно, потребуются и введены зональные коэффициенты) – задача отдельного исследования. На первый взгляд ею должны заниматься преимущественно экономисты, но они в анализе семейных бюджетов пока не преуспели, поэтому участие в этом деле этнографов представляется желательным. Очень желательно также участие психологов, так как речь идет о существенном изменении репродуктивной психологии, играющей в жизни гораздо более важную роль, чем отмеченная В.А. Тишковым «автомобилизация» значительной части населения страны; во всяком случае купить подержанную иномарку психологически легче, чем завести еще одного ребенка. По моим подсчетам-прикидкам, на проведение антидепопуляционной политики в России придется расходовать не менее 5 млрд. долл. в год. При нынешнем бюджете сумма большая, но не чрезвычайная, так как ежегодно разворовывается в 2–3 раза больше. Просто нужно понять, что речь идет о спасении России.

В заключение должен вернуться к статье В.А. Тишкова. В разделе ее «Пища, одежда, жилище» есть кое-какие интересные заметки о трансформации жизни в России за последние 10 лет, однако почти все они, к сожалению, не вполне достоверны: питание в ресторанах стоит отнюдь не дешево, как представляется Тишкову; его заключение о том, будто «каждая вторая семья располагает транспортными средствами» (автомобилем), далеко от истины и т.п. Кроме того, в замечаниях Тишкова очевиден личностно-обывательский смысл (например, «свои первые в жизни апельсин и банан я съел, уже будучи студентом МГУ»), но они не опираются на массовый статистический материал и не доведены до уровня постановки исследовательских задач.

Итоговое заявление В.А. Тишкова о том, что «мы стали жить лучше, хотя и сложнее», прямо таки взывает к опровержению, потому что относится лишь к

небольшой (10-15%) группе россиян – так называемым новым русским, к которым, очевидно, он себя причисляет. Об ухудшении жизни основной массы россиян свидетельствуют пресса и другие средства информации, об этом говорит и официальная демографическая статистика, фиксирующая рост числа заболеваний и смертей, отражающая, как в зеркале, суть российских трансформаций. Упорство, с которым Тишков отрицает развитие в России процесса депопуляции, вызванного прежде всего массовым вымиранием русских, обусловлено, однако, не состоянием какого-то околонаучного параноидального навязчивого бреда, а, видимо, стремлением любым способом оправдать и поддержать статус своей элитной группы. Об этом хорошо сказали в конце своей статьи в «Независимой газете» его оппоненты В. Иванов и А. Суворов: «В свете сказанного становится понятным разительное различие в мироощущении, в оценке нынешнего состояния и исторического прошлого страны, актуальности тех или иных ее проблем между основной частью населения и большинством представителей так называемой "элиты", настаивающей на необходимости продолжать курс "реформ" (или – по терминологии г-на Тишкова – "позитивных трансформаций"). В условиях, когда мы оказались в результате этих трансформаций отброшенными в разряд слаборазвитых государств, российская "элита" (а точнее – столичная "тусовка"), относящаяся к "золотому", по нынешним российским меркам, проценту населения, действительно живет, "под собою не чуя страны". Если перестанут "чуять страну" и российские обществоведы, весьма сложно будет надеяться на улучшение жизни в России в будущем. Хотя мы и не исключаем, что именно такие обществоведы живут и будут жить лучше»¹⁶.

Можно ли согласиться с таким выводом – судить читателям.

Примечания

¹ Здесь и далее цит. по: *Тишков В.А.* Антропология российских трансформаций // *Этнограф. обозрение.* 2000. № 1.

² См.: *Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы* // Свод этнографических понятий и терминов. М., 1988.

³ *Тишков В.А.* О нации и национализме // *Свободная мысль.* 1996. № 3. См. также: *Козлов В.И.* Национализм и этнический нигилизм // Там же. № 6.

⁴ *Козлов В.И.* О народе и власти в России. Раздумья ученого // *Молодая гвардия.* 1998. № 1.

⁵ *Иванов В., Суворов А.* Взгляд на жизнь // *Независимая газета.* 2000. 3 июня.

⁶ Подробнее см.: *Козлов В.И.* Этническая демография. М., 1977.

⁷ *Вишневский А.Г.* Демографическая революция. М., 1976.

⁸ Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 181.

⁹ См.: Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М., 1994. Табл. 2.

¹⁰ См.: Демографический ежегодник России. 1997. М., 1997. Табл. 7.

¹¹ Там же. Табл. 8.

¹² *Бернштам М.* Сколько жить русскому народу // Москва. 1990. № 5.

¹³ *Козлов В.И.* Вымирание русских: историко-демографический кризис или катастрофа // *Вестн. РАН.* 1995. Т. 65. № 9.

¹⁴ См., напр.: *Литвинова Г.И.* О судьбе русского народа // Москва. 1990. № 8; *Попов Г.* Берегите русских // *Независимая газета.* 2000. 5 апр.; *его же.* Русский холокост // Там же. 2000. 26 апр.

¹⁵ См.: *Остроглазов В.* Разврат неслыханный, подленький... // Москва. 1999. № 8; *Медведева И., Шилова Т.* Право не знать // Там же.

¹⁶ *Иванов В., Суворов А.* Указ. раб.

V. I. K o z l o v. Ethnodemography as a mirror of Russia's transformations

This article is a response to the paper «Anthropology of Russia's transformations in Russia» presented by Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov at the opening of

the 3rd Congress of ethnographers and anthropologists of Russia in June, 1999 and published in the journal «Ethnographical Review» No. 1, 2000.

The article's author criticizes some of the statements made by V.A. Tishkov and drawing on numerous statistical and other data investigates the demographic processes taking place in Russia today. He comments on the reality of a demographic crisis in the country and on the necessity of working out and bringing into life a social demographic policy as aimed to holt the process of dying out of the Russians.

© 2000 г., ЭО, № 6

А.А. Ткаченко

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современное состояние социальной сферы в России определяется целым рядом факторов, одни из которых действуют положительно, другие – отрицательно. Среди последних экономический кризис 1990-х годов скорее всего не играет основной роли. Начало перехода России к рыночной экономике совпало по времени, во-первых, с распадом СССР, во-вторых, почти одномоментным разрывом народнохозяйственных связей между бывшими союзными республиками, имевших для российской экономики огромное значение, в-третьих, более длительным (по сравнению с большинством стран с переходной экономикой) спадом производства практически во всех отраслях и, в-четвертых, экономическим кризисом. Последний перерос в социально-экономический, а после кратковременной «передышки» в 1997 г. стал, по трактовке большинства исследователей, системным кризисом российского общества.

Ряд исследователей, дискутирующих на тему: «Грозит ли России распад, аналогичный исчезновению Союза?», выдвигают тезис о большей этнической однородности РФ по сравнению с СССР. Они даже относят Российскую Федерацию, как и Т. Грэхем из Фонда Карнеги за международный мир¹, к этнически однородным государствам. Обычно в качестве аргументов используются количественные параметры: рост доли русских до 82% в населении России по сравнению с 50-процентной долей русских в населении СССР, доли мусульман в населении – 18 и 8% соответственно и т.п. При этом все расчеты и ссылки даются на основе переписи населения 1989 г., которая до сих пор остается единственным источником наших «этнонациональных знаний» в постсоветской России, хотя прошедший 10-летний период – явление в плане перемещения этносов по территориям постсоветских государств в новейшей истории беспрецедентное. В данной статье мы затронем некоторые аспекты этносоциального развития страны в эпоху упадка и возможности социального возрождения ее населения.

Уже 1992 г. – первый год существования нового государства – привел к резкому снижению уровня жизни большинства населения при отсутствии не только эффективной, но и достаточно ясно сформулированной, в том числе для населения, социальной политики по демпфированию негативных социальных последствий кризиса. В 1992 г. численность населения с доходами ниже прожиточного минимума была максимальной (более трети всего населения). Эта доля за весь период 1990-х годов не опускалась, по данным официальной статистики, ниже 20%, а в конце 1998 – начале 1999 г. в связи с августовским кризисом она вновь значительно возросла – до 37,7%, превысив в марте 1999 г. даже уровень 1992 г.²

Незначительное улучшение ситуации в отдельных составляющих социальной сферы произошло лишь во второй половине 1996 г., а итоги 1997 г. даже позволяли надеяться на возврат социальной динамики к тенденции роста: стал низким индекс роста